

ИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ
– ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЭМИГРАНТА Б.К. ЗАЙЦЕВА

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH'S
SPIRITUAL VALUES – A WRITER'S DIARY
BY THE EMIGRANT B.K. ZAYTSEV

ИОАННА МЯНОВСКА

ABSTRACT. The prose written by a representative of the First Wave of Russian Emigration – B.K. Zaytsev – has been investigated in Poland since the 1980s, and at the beginning of the 21st century we know that there are some academic centers and researchers that have dedicated their work to different aspects of the prose written by the author of 'A Writer's Diary'.

This article examines Zaytsev's essays devoted to the spiritual values of the Russian Orthodox Church. Their essence is described in Zaytsev's essays about John of Kronstadt or the Optina Hermitage, which is where Russian notables such as N. Gogol, V. Solovyov, K. Leontyev, F. Dostoyevsky or even L. Tolstoy himself came to seek advice. Zaytsev's essays: 'The history of the Russian soul' and 'One more time about Athos' are very important as they provide an understanding of the values of the Russian Orthodox Church. In the latter the author contemplates his visit to the monks of Athos reminiscing about their kindness, rectitude and modesty which, according to Zaytsev, 'calmed his own soul'.

Joanna Mianowska, Uniwersytet im. Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Bydgoszcz – Polska.

Уже многие годы польская эмигрантология успешно осваивает творчество россиян, исшедших в разные стороны мира после большевистского переворота 1917 года. Русское религиозное возрождение началось благодаря русской эмиграции, включившей в себя не только представителей религиозно-философских направлений, но и поэтов, писателей, художников. Н. Зернов называет этот процесс „возвращением блудного сына”¹. Несмотря на различия в оценке происшедшего, как

¹ Н. З е р н о в, *Русское религиозное возрождение XX века*, УМСА-Press, Paris 1991, с. 225.

и будущего России, многие эмигранты задались целью восстановить цепь, связывающую их со свободой Духа².

В годы революции и гражданской войны сформировалось православно-мироощущение Б.К. Зайцева. Этот „певец русского православия“ и „праведник“ не имеет себе равных в эмиграции в своей устремленности к духовным ценностям³. Праведником назвал Б.К. Зайцева Никита Струве в одной из своих заметок, посвященных памяти ушедших⁴. Стоит напомнить слова Даниила Андреева, интерпретирующего праведность как „проницание деятельной любовью к Богу, людям и миру всей, внешней и внутренней, деятельности человека“⁵. Ведь это в эмиграции сформировалось в нравственном отношении религиозное сознание Зайцева, который из автоматической, неосмысленной веры стал осознанным созерцателем праведности, кротости, смирения и покаяния.

Проза Б. Зайцева в Польше исследуется уже долгие годы⁶. На пороге XXI века можно обозначить научные вузовские центры и исследователей, посвятивших свои труды разным аспектам зайцевской прозы⁷. Творчество Б. Зайцева настолько многогранно, что в нем появляются вновь и вновь не до конца исследованные жанры. Пример тому – зайцевский *Дневник писателя*, полностью публикуемый издательством „Русский путь“ со вступительной статьей, подготовкой текста и комментариями Андрея Любомудрова, одного из известных российских исследователей творчества Зайцева⁸. Любомудров выделяет в *Дневнике писателя*

² М. В и ш н я к, *На родине (мы и они)*, [в:] *Публицистика русского зарубежья (1920–1945). Сборник статей*, сост. И. Кузнецов, Е. Зеленина, Москва 1990, с. 39.

³ См. J. M i a n o w s k a, *Контексты культуры русского зарубежья. Б. Зайцев – певец русского православия*, Торунь 2011.

⁴ Н. С т р у в е, *Писатель-праведник (29.01.1891–28.01.1972)*, [в:] его же, *Православие и культура*, Москва 1992, с. 142–143.

⁵ Д. А н д р е е в, *Роза мира*, Москва 2001, с. 18–19.

⁶ См. J. M i a n o w s k a, *Б.К. Зайцев в оценке польской научной критики (1985–2002)*, [в:] *Творчество Б.К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века. Четвертые международные научные Зайцевские чтения*, редколлегия Е.Н. Зайцев, Е.А. Балашова, Калуга 2003, с. 407–415.

⁷ См. J. M i a n o w s k a, *Контексты культуры...*, указ. соч.; В. W e g n e r s k a, *Prawosławie rosyjskie w kontekście prozy emigranta I fali uchodźstwa rosyjskiego Borysa Zajcewa*, Торунь 2009; M. S i d o r, *Rosja i jej duchowość. Proza „pierwszej fali” emigracji rosyjskiej*, Lublin 2009.

⁸ Б.К. З а й ц е в, *Дневник писателя*, вступ. статья, подготовка текста, коммент. А.М. Любомудрова, Москва 2009; см. также: А.М. Л ю б о м у д р о в, *Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Борис Зайцев, Иван Шмелев*, Санкт-Петербург 2003.

Зайцева такие жанрово-тематические группы, как: мемуарные очерки, рецензии, публицистические заметки и театральную критику⁹. Прав исследователь, констатируя, что тем самым „Зайцев неизменно вводит в широкий мировой, политический, исторический, культурный контекст”¹⁰. На наш взгляд, *Дневник писателя* – это произведение с широким охватом историко-культурной, документальной, но прежде всего духовной жизни эмиграции XX века. Упомянутый Любомудров анализирует *Дневник писателя* в контексте диалога времен, культур и традиций, используя работы российских литературоведов и среди многих источников – библиографическое парижское издание Р. Герра и Т. Осоргиной.

Нашей целью является анализ *Дневников писателя* с учетом также работ польских исследователей. Внимание привлекли те части *Дневника*, в которых Зайцев вспоминает Иоанна Кронштадтского, церковного проповедника, духовного писателя, протоиерея и настоятеля Андреевского собора в Кронштадте¹¹. О. Иоанна Кронштадтского Зайцев вспоминает в связи с книгой протоиерея Василия Васильевича Шустина *Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах*. Автор дневниковых записей заметки Шустина считает „замечательными”. Он пишет: „Таким, как он [Иоанн Кронштадтский – И.М.] показан в них, легко узнаю худенького священника в лиловой рясе, виденного в отрочестве”¹². В этой связи стоит напомнить сюжет из тетралогии *Путешествие Глеба*, связанный с личными воспоминаниями писателя о посещении священником калужской мужской гимназии, в которой Зайцев учился два года¹³. Отроческие впечатления глубоко проникли в память Зайцева и спустя годы позволили ему детально описать внешний вид священника:

[...] подвижное, нервное лицо народного типа с голубыми, очень живыми и напряженными глазами... разлетающиеся, нетяжелые, с проседью волосы... руки всегда в движении, он ими много жестикулировал... улыбка глаз добрая, но голос неприятный и манера держаться несколько вызывающая!¹⁴.

⁹ А. Любомудров, *История создания и жанровые особенности*, [в:] Б.К. Зайцев, *Дневник писателя*, указ. соч., с. 8.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. Б.К. Зайцев, *Иоанн Кронштадтский*, [в:] его же, *Дневник писателя*, указ. соч., с. 62-67; см. об о. Иоанне Кронштадтском: Б.К. Зайцев, *Святая Русь*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 5-ти томах*, т. 7 (доп.): *Святая Русь*, Москва 2000, с. 498.

¹² Б.К. Зайцев, *Иоанн Кронштадтский...*, указ. соч., с. 63.

¹³ См. J. Miapowska, *Духовные лица в творчестве Бориса Константиновича Зайцева*, [в:] *W poszukiwaniu prawdy. Chrześcijańska Europa między wiarą a polityką*, t. II, pod red. A. Szyndler, Częstochowa 2010, с. 441.

¹⁴ Б.К. Зайцев, *Иоанн Кронштадтский...*, указ. соч., с. 65.

Записи Зайцева в его очерке и в тетралогии повторяются. Облик о. Иоанна, запомнившийся в юности писателя, на наш взгляд, соотносится с личностью священника в *Записях* Шустина – то же „нервное” служение протоирея, его „дерзновенное” выкрикивание слов, обладание „могучей силой экстаза”¹⁵. В дневниковых записях Зайцева особо подчеркнута „корневитость”, укорененность в „русском” о. Иоанна Кронштадтского, его народность. Любомудров справедливо отмечает кольцевую композицию очерка об о. Иоанне Кронштадтском, началом которого является появление в калужской гимназии священника „в лиловой рясе, с большим наперсным крестом” (он поднимался „быстрой походкой”). В завершении очерка сказано следующее:

По небесной лестнице поднимался он [Иоанн Кронштадтский – И.М.] с тою же легкой быстротой, как и по лестнице калужской гимназии¹⁶.

Как вытекает из анализа очерка, о. Василию Шустину рассказал о некоторых фактах из жизни о. Иоанна оптинский старец Варсонофий, увидевший о. И. Кронштадтского и лестницу, ведущую за облака, во сне. Это стремление „подняться кверху” – своеобразная метафора, позволившая Зайцеву передать собственное ощущение и эмоции.

С этим очерком несомненно связан и другой, названный *Оптина пустынь*, в котором Зайцев предпринимает попытку выразить всю суть духовной истины¹⁷. В этом очерке он пересказывает сюжет, связанный с Оптиной пустынью, помещенный в тетралогии¹⁸, ссылается также на материал, содержащийся в упоминаемых *Записях* о. Василия Шустина и в книге о. С. Четверикова *Оптина пустынь*¹⁹.

Стоит в качестве примера, для сравнения, привести оба сюжета – из очерка и из тетралогии:

Очерк *Оптина пустынь*

...в Устах водилось у меня много приятелей, разных Савосек, Масеток, Романов, да и нянюшки Дашеньки, кухарки Варвары не раз рассказывали об Оптиной и удивительном старце Амвросии. Наши бабы из Устов ходили

Тетралогия *Путешествие Глеба (Заря)*

В Устах от Дашеньки и от устовских баб слышал Глеб об Оптиной и даже о старце Амвросии. Но все это шло мимо, сам он ничего еще вообще не смыслил, старшие же были далеки от „такого”: „это” для „простых”, мы

¹⁵ См. Б.К. З а й ц е в, *Собрание сочинений в 5-ти томах*, т. 4: *Путешествие Глеба. Автобиографическая тетралогия*, Москва 1999, с. 226–232.

¹⁶ Б.К. З а й ц е в, *Иоанн Кронштадтский...*, указ. соч., с. 62 и 67.

¹⁷ См. Б.К. З а й ц е в, *Оптина пустынь*, [в:] его же, *Дневник писателя*, указ. соч., с. 68–72.

¹⁸ См. Б.К. З а й ц е в, *Путешествие Глеба...*, указ. соч., с. 68–70.

¹⁹ См. Б.К. З а й ц е в, *Оптина пустынь...*, указ. соч., с. 69.

к нему за советами, слава его была очень велика, текла самотеком, из уст в уста, без шума, но с любовью. Знали, что, если в жизни недоумение, запутанность, горе – надо идти к о. Амвросию, он все разберет, утишит и утешит (с. 68).

же баре, нам не надо никаких Амвросиев (с. 70).

На наш взгляд, мысли, выраженные Зайцевым в тетралогии *Путешествие Глеба*, хоть и более лаконичны, чем в очерке, глубоко определяют весь духовный контекст непростого пути писателя к постижению православной веры. В очерке Зайцев поясняет:

Наша семья не была религиозна. По тому времени просвещенные люди, типа родителей моих, считали все „такое“ суеверием и пустяками. Так что ребенком, не раз проезжая в двух-трех верстах от Оптиной, я ни разу ее не посетил²⁰.

В тетралогии прославившееся место – Оптина пустынь – запечатлена глазами ребенка, она связана с описаниями пейзажа русской провинции и природы – „первые одуванчики над сажалкой“, „гусиная травка с желтенькими цветочками на припеке под липами“ – это для рассказчика „все свое, все родное“²¹.

В очерке появляется широкий исторический план – история монастыря, связанная с информацией об оптинских старцах: о. Макарии, о. Паисии Величковском (основателе старчества) и самом о. Амвросии, а также о. Нектарии, о. Анатолии и о. Варсонофии. В тетралогии, как и в очерке, проявляется также импрессионистское зайцевское видение мира²². Зайцев, справедливо названный „поэтом в прозе“, сумел как в тетралогии, так и в очерке выдержать в импрессионистских красках запахи родной природы и раскрыть одновременно облик Оптиной пустыни в историческом, художественном, автобиографическом и глубоко лирическом контекстах. Его художественные, как и очерковые описания „мест на земле, уготованных душе“, циклические повторы, способствующие нарастанию смысла и осознанию роли старчества, весомы не только в духовном, но и в нравственном отношениях. Гармония, тишина, скромность и благообразие церковной монастырской службы, история старчества и отдельных его обитателей, как и приехавших в Оптину пустынь за советами Н. Гоголя, В. Соловьева, Ф. Достоевского

²⁰ Там же, с. 68.

²¹ Б.К. З а й ц е в, *Путешествие Глеба...*, указ. соч., с. 67.

²² См.: I. M a l e j, *Impresjonizm w literaturze rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Wybrane zagadnienia*, Wrocław 1997, с. 48–68; M. M a t e c k a, *Impresjonizm we wczesnej prozie I. Bunina i B. Zajcewa*, Lublin 1996.

и К. Леонтьева, а также самого Л. Толстого – полноценно представлены Зайцевым в виде нравственных ориентиров.

С очерком *Оптина пустынь* связан сюжетом и другой – *Достоевский и Оптиная пустынь*, который Зайцев написал спустя 30 лет²³. В нем он развивает написанное раньше, представляя историю монастыря, его настоятелей и посетителей, „страждущих” и „чающих Христова утешения”²⁴. Старчество Зайцев определяет „учительным установлением в духе любви и сострадания”²⁵. Среди посетителей Оптиной Зайцев, как и ранее, называет известные имена русской литературы и философии. Но в этом очерке писатель сосредоточил свое внимание на Достоевском и его посещении Оптиной. Встреча о. Амвросий – Достоевский, пребывание писателя в монастыре отразились ярко и правдиво в *Братьях Карамазовых* в глубоко православном образе старца Засимы. Надо полагать, что если бы Достоевский не посетил Оптину и не получил в ней ценностной духовной поддержки, не было бы *Братьев Карамазовых*²⁶.

С упоминаемыми очерками Зайцева перекликается и следующий, озаглавленный *История русской души*²⁷. Любомудров относит его к теме „Россия Святой Руси”. Размышления Зайцева в этом очерке петербургский исследователь называет „религиозно-философскими”²⁸.

Надо отметить, что Зайцев часто обращался к книгам и исследованиям, в которых видное место предназначалось православию. Книга мастера духовной прозы Георгия Федотова рассматривается Зайцевым в качестве „высокопоучительной” и „необходимой для всякого чувствующего и любящего Россию”²⁹. Автор *Путешествия Глеба* отдает свое почтение издательству „УМСА-Press”, выпустившему в Париже многие книги о русских митрополитах, об Афоне, Оптиной, восточных отцах церкви, как и ряд произведений философско-богословского содержания. Зайцев Федотова агиографом не считает, в его глазах это „современный верующий ученый”³⁰. На наш взгляд, многое написан-

²³ См.: Б.К. З а й ц е в, *Достоевский и Оптиная пустынь*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 5-ти томах*, т. 7 (доп.): *Святая Русь*, указ. соч., с. 384–394.

²⁴ Там же, с. 385–387.

²⁵ Там же.

²⁶ О неотвратимой теме Достоевский, см. Л. С а р а с к и н а, *Достоевский в со звучаих и притяжениях (от Пушкина до Солженицына)*, Москва 2006.

²⁷ Б.К. З а й ц е в, *История русской души*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 5-ти томах*, т. 7 (доп.): *Святая Русь*, указ. соч., с. 144–149.

²⁸ А. Л ю б о м у д р о в, *Дневник писателя Б.К. Зайцева: диалог времен, культур и традиций*, [в:] Б.К. З а й ц е в, *Дневник писателя*, указ. соч., с. 41.

²⁹ Б.К. З а й ц е в, *Дневник писателя*, указ. соч., с. 144.

³⁰ Там же, с. 145.

ное о книге и ее авторе, Г. Федотове, относится и к самому Зайцеву, использующему в своем житии о Преподобном Сергии Радонежском литературные заимствования, легендарные сюжеты и анахронизмы. Ведь Сергей, как справедливо отмечено в польской критике, „to nie tylko typ bohatera pozytywnego, ale i emblemat prawosławnej Rosji”³¹.

Зайцев отмечает в исследовании Федотова интерес ученого к „характеру русской святости”, к духовному складу народа, как и к русским созерцателям и страстотерпцам. На наш взгляд, Федотова и Зайцева объединяет их видение церковного евангелизма, русского смирения, кротости, юродства, названного „явлением замечательным и глубоко русским”³².

Интерес может вызвать факт, что Зайцев из католических святых выделяет св. Франциска Ассизского и пишет о нем: „наиболее «русский» с чертами даже юродства”³³. Напомним, что в *Преподобном Сергии Радонежском* Зайцев Франциска противопоставляет и сопоставляет с Сергием Радонежским: „В нем [Сергии Радонежском – И.М.] не было экстаза, как во Франциске Ассизском”³⁴. В одной из глав *Преподобного Сергия Радонежского (Отшельник)* Зайцев, повествуя об одиночестве святого Сергия, опять вспоминает Франциска Ассизского: „он [Сергий – И.М.] не проповедовал, как Франциск, птицам и не обращал волка из Губбио, но, по Никоновской летописи, был у него друг лесной” (Зайцев имел в виду медведя, из которого св. Сергей сделал ручного зверя)³⁵.

В *Преподобном...* Зайцев часто противопоставляет Франциска Ассизского Сергию Радонежскому. Если Сергей, как пишет Зайцев, требовал от иноков труда и не разрешал им ходить за подаяниями, то:

Блаженный из Ассиза не чувствовал под собой земли. Всю недлинную свою жизнь он летел в светлом экстазе, над землей, но летел „в люди”, с проповедью апостольской и Христовой, ближе всех подходя к образу самого Христа³⁶.

В итоге Зайцев отмечает, что труд и трудолюбие для Франциска были „несущественны” и что католический святой не учредил на земле ничего, „учредили за него другие”³⁷. Противопоставляя „тихое делание”

³¹ См. В. Вегнерска, *Prawosławie rosyjskie...*, указ. соч., с. 82.

³² Б.К. Зайцев, *Дневник писателя*, указ. соч., с. 148.

³³ Там же, с. 147.

³⁴ См. Б. Зайцев, *Преподобный Сергий Радонежский. Сочинения в 3-х томах*, т. 2, сост. и подгот. текста Е. Воропаевой и А. Тархова, Москва 1993, с. 18.

³⁵ Там же, с. 25.

³⁶ Там же, с. 29.

³⁷ Там же.

Сергия Радонежского экстазу и миссионерству Франциска, Зайцев констатирует:

Св. Сергий, православный глубочайшим образом, насаждал в некотором смысле западную культуру (труд, порядок, дисциплину) в радонежских лесах, а св. Франциск, родившись в стране преизбыточной культуры, как бы на нее восстал³⁸.

В своем очерке, написанном после выхода книги Г. Федотова, Зайцев уже не сопоставляет и не противопоставляет католический и православный тип святости и отдает честь Франциску, считая его „русским“ с чертами юродства, этого русского своеобразия, по Зайцеву³⁹.

Очерк Зайцева о книге Федотова справедливо назван писателем *История русской души*, так как история русской святости связана с ее высокой духовностью и многовековой традицией. Надо согласиться с мнением Зайцева, что книга Федотова *Святые Древней Руси* написана „от себя“ и все в ней свежее и талантливое, что можно спустя полвека отнестись и к творениям автора очерка.

С русской духовностью и лично с Б.К. Зайцевым связан его очерк *Вновь об Афоне*⁴⁰. Зайцев вспоминает в нем о. Иоанна (в миру: князя Д. Шаховского), от которого узнал многое об Афоне⁴¹. Стоит напомнить, что Зайцев еще в феврале 1928 года написал очерк *Афон* после 17 дней пребывания в этом „тысячелетнем монашеском царстве“⁴². Кроме очерка *Афон* Зайцев написал 9 писем из этой обители монашества, в которых проявился весь его духовный рост, на который оказали влияние монашествующие лица⁴³.

Надо отметить выход в Санкт-Петербурге в 2011 году книги *Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник* со вступительной статьей, подготовкой текста и комментариями упоминаемого А. Любомудрова.

³⁸ Там же.

³⁹ Б.К. З а й ц е в, *История русской души...*, указ. соч., 148. О католическом и православном типах святости см. J. M i a n o w s k a, *Образ Франциска Ассизского в „Преподобном Сергии Радонежском“ Б. Зайцева*, [в:] *Dziedzictwo religijne w literackiej kulturze Europy XIX i XX wieku*, pod red. L. Rożek, Częstochowa 2005, с. 195–202.

⁴⁰ См. Б.К. З а й ц е в, *Вновь об Афоне*, [в:] его же, *Дневник писателя*, указ. соч., с. 83–87.

⁴¹ Об о. Иоанне, князе Д.И. Шаховском, см.: А. Н и в ь е р, *Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995. Биографический справочник*, Москва–Париж 2007, с. 231–233.

⁴² См.: Б.К. З а й ц е в, *Афон*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 5-ти томах*, т. 7 (доп.): *Святая Русь*, указ. соч., с. 75–104.

⁴³ См.: J. M i a n o w s k a, *Письма Б.К. Зайцева как отражение духовности писателя*, [в:] *Rosja – Polska. Z zagadnień komparatystyki literackiej. Studia i szkice ofiarowane Profesor Eugenii Kucharskiej*, pod red. I. Kowalskiej-Paszt, Szczecin 2003, с. 111–121.

В ней впервые публикуется записная книжка Зайцева, дневник путешественника по афонским монастырям и скитам. Интерес представляют и неизвестные очерки Зайцева об Афинах и прежде всего уникальные рисунки, сделанные писателем во время странствий. Внимания в книге заслуживает вступительная статья А. Любомудрова *Святая Гора Афон в судьбе и творческом наследии Б. Зайцева*, в которой представлены также книги современных авторов об Афоне. Прав петербургский исследователь, констатируя следующее:

Преемственные связи писателей-паломников современности с творческим наследием Б. Зайцева – перспективная тема будущих исследователей⁴⁴.

Зайцевский очерк *Вновь об Афоне* – это авторские реминисценции об Афоне, переплетающиеся с отрывками из полученных от афонцев писем. Событийная сфера – это то, что было – события, происшествия на Афоне во время его посещения Зайцевым. Отбор событий – свидетельство ценностного мира автора, его жизненных приоритетов. Получив письмо от одного из афонцев о пожаре в монастыре, Зайцев вспоминает Афон, для которого пожар соснового бора (единственный источник жизни и пищи престарелых монахов) обозначал нехватку хлеба, ибо за проданный лес монахи покупали зерно⁴⁵. Событийный элемент зайцевского текста взаимосвязан с природным – воспоминания бурь, ветров (Зайцев был там летом) и полученный снимок Афона зимой. Автор очерка *Вновь об Афоне* жалеет своих друзей в холодных келлиях и на церковных службах, которые болеют новой болезнью – „гриппом“, или испанкой⁴⁶. В записях Зайцева звучат мотивы сочувствия голодающим монахам из келлии св. Иоанна Златоуста, недалеко от Кареи:

На пятнадцать дней выдается кусок хлеба и большая ложка масла, но сейчас и на масле экономят. Облачения в лохмотьях. Служить не в чем, одеваться не во что. Издохла даже старая „мулашка“, единственное животное келлии – на ней ездили получать с пристани редкие дары извне⁴⁷.

Зайцевские описания суровости жизни на Афоне еще раз позволяют опровергнуть написанное Маризой Шуази в книге *Месяц у мужчин* об Афоне, где побывала, якобы переодевшись мужчиной (молодым слугой), француженка-писательница. Стоит указать, что Зайцев в своем очерке *Бесстыдница в Афоне* разоблачает написанное М. Шуази, считая

⁴⁴ А. Любомудров, *Святая Гора Афон в судьбе и творческом наследии Б. Зайцева*, [в:] Б.К. Зайцев, *Афины и Афон*, Санкт-Петербург 2011, с. 37.

⁴⁵ Б.К. Зайцев, *Вновь об Афоне...*, указ. соч., с. 84.

⁴⁶ Там же, с. 85.

⁴⁷ Там же, с. 86.

это „гнусностью“, убожеством духа⁴⁸. Видевший не менее десятка монастырей, Зайцев считал, что Шуази „отвергает... православие вообще“, ибо не имеет о нем никакого представления⁴⁹. „Жалкая“ книга взбудораживает Зайцева – человека глубокой православной веры, который констатирует: „Зло лезет из всех щелей, и Бог допускает Зло. Ибо свободно должен человек и бороться со злом“⁵⁰.

В своих воспоминаниях об Афоне Зайцев пишет о скромности, приветливости и доброте монахов, восхваляет возвышенность церковных богослужений; все это, как вытекает из записей в очерках, способствует „тишине собственной души“. Сюжет с „бесстыдницей в Афоне“ продолжается и в зайцевском очерке *Вновь об Афоне*, но в нем уже приводится отрывок письма афонского архимандрита о. Мисаила с информацией, что „сия особа на Святой Горе не была и ее уверение о посещении Афона ложь!“⁵¹. Как вытекает из анализа зайцевских очерков, книга Шуази и ответ на нее Зайцева позволил отразить свет души писателя, связанной с воцерковлением. Ведь недаром Г. Адамович говорил о Зайцеве как о церковно-послушном, смиренном христианине, без вольномыслия, гордыни и без поправок к православию⁵².

Чувствительный к эстетической стороне монастырей и монашества, Зайцев осознал на Афоне монастырскую повседневность, смысл богослужения, что и отразилось в написанном. Писатель, получив от о. Мисаила (с братией) небольшую иконку Иверской Божией Матери „За защиту поруганного Афона“ и такое же изображение св. Пантелеймона, произнес весомые слова: „Афон есть образ духовный... беды проходят, вечное остается. Афон остается“⁵³.

⁴⁸ Б.К. З а й ц е в, *Бесстыдница в Афоне*, [в:] его же, *Дневник писателя*, указ. соч., с. 59.

⁴⁹ Там же, с. 60.

⁵⁰ Там же, с. 61.

⁵¹ Б.К. З а й ц е в, *Вновь об Афоне...*, указ. соч., с. 86.

⁵² Г. А д а м о в и ч, *Текст беседы* (№ 28), Мюнхен 1960.

⁵³ Б.К. З а й ц е в, *Афон...*, указ. соч., с. 426.